

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>

UDC 902“638”(470/5):903.023
LDC 63.442.7(2)

Submitted: 01.12.2021
Accepted: 15.04.2022

SMALL MOLDED VESSELS FOR INCENSE FROM BURIALS OF SOUTHERN SUBURAL NOMADS IN THE 4th – 2nd CENTURIES BC ¹

Vitaliy K. Fedorov

Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to one of the categories of ceramic ware of the early nomads of the Southern Suburals. These are the small vessels with a slightly swollen body and high neck ornamented with vertical or oblique flutes or having no ornament. Finds of charred plant remains inside them, including *Datura*, indicate that such vessels were used for incense including aromatic smoke, obviously, with narcotic effect. A thick layer of carbon is found on the inner surface of the vessels. The burning of plants in vessels was carried out by placing “heating elements” into them – hot stones, fragments of ceramics and so-called “hammers”, often made of talc. Many of them show signs of having been on fire. Small vessels for incense appear in the Southern Urals in the 4th century B.C. and spread widely in the 3rd – 2nd century B.C. The tradition of burning plants, including narcotic ones (hemp), in special molded vessels – incense burners – was earlier revealed in the Middle Dniester region (Glinoye burial). The closest analogies of ornamentation and shape of the Southern Ural vessels for incense are found in the materials of the Prikuban and the Lower Don. We can assume that it was from these regions that the tradition of burning plants in vessels came to the Southern Urals, as well as the form and ornamentation of such small vessels. From the Southern Urals this tradition penetrated to the south, to Central Asia (Chirikrabort culture) and the north-east (“Ai-type” of the Sargat cultural community). It can be assumed that these vessels were used in purification rituals during the funeral rite.

Key words: Early Sarmatian Time, Southern Suburals, small ritual vessels, Incense Cups, talc “hammers”, burning plants for incense, *Datura*, purification ritual.

Citation. Fedorov V.K., 2022. Lepnye sosudiki dlya voskureniy iz pogrebeniy kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya IV–II vv. do n.e. [Small Molded Vessels for Incense from Burials of Southern Subural Nomads in the 4th – 2nd Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 119-134. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>

УДК 902“638”(470/5):903.023
ББК 63.442.7(2)

Дата поступления статьи: 01.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ЛЕПНЫЕ СОСУДИКИ ДЛЯ ВОСКУРЕНИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ IV–II вв. до н.э.¹

Виталий Кимович Фёдоров

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одной из категорий керамической посуды ранних кочевников Южного Приуралья. Это небольшие сосуды со слегка раздутым туловом и высоким горлом, орнаментированные вертикальными или наклонными каннелюрами, либо не имеющие орнамента. Находки внутри них обугленных остатков растений, в том числе дурмана, указывают на то, что эти сосудики применялись для воскурения, получения ароматного дыма, в том числе, очевидно, дыма с наркотическим эффектом. На внутренней поверхности сосудиков бывает обнаружен толстый слой нагара. Сожжение растений в сосудиках осуществлялось путем помещения в них «нагревательных элементов» – раскаленных камней, фрагментов керамики и так называемых «молоточков», часто изготовленных из талька. На многих из них зафиксированы следы пребывания в огне. Сосудики для воскурений появляются на Южном Урале в IV в. до н.э. и достаточно широко

распространяются в III–II вв. до н.э. Традиция сожжения в специальных лепных сосудах-курильницах растений, в том числе наркотических (конопли), была зафиксирована в Среднем Поднестровье (могильник Глиное). Ближайшие аналогии орнаментации и форме южноуральских сосудов для воскурений находятся в материалах Прикубанья и Нижнего Дона. Можно предполагать, что именно из этих регионов пришла на Южный Урал традиция сожжения растений в сосудах, равно как и форма, и орнаментация таких сосудов. С Южного Урала эта традиция проникла на юг, в Среднюю Азию (чирикратская культура) и северо-восток («айский тип» саргатской культурной общности). Можно предполагать, что такие сосуды применялись в ритуалах очищения в процессе погребального обряда.

Ключевые слова: раннесарматское время, Южное Приуралье, ритуальные сосуды, курильницы, тальковые «молоточки», воскуривание растений, дурман, очистительные ритуалы.

Цитирование. Фёдоров В. К., 2022. Лепные сосуды для воскурений из погребений кочевников Южного Приуралья IV–II вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 119–134. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>

Введение

Артефакты, о которых пойдет речь в статье, никогда ранее не объединялись в одну группу. Рассмотреть их в совокупности нас побудили опубликованные в 2010-е гг. работы, посвященные изучению лепных курильниц Северного Причерноморья [Меньшикова, 2012; Синика и др., 2014; Тельнов и др., 2016, с. 902–918]. В последних двух было обращено внимание на наличие в южноуральских древностях курильниц, которые вместе с северопричерноморскими могут генетически восходить к одному источнику.

Исследователи пришли к выводу, что в Северном Причерноморье курильницы появляются в IV в. до н.э. и получают наибольшее распространение в III–II вв. до н.э. Для большинства из них характерны вертикальные каннелюры по тулову – рельефные и прочерченные. Также отмечается наличие во многих случаях внутри курильниц камней, а в могильнике у с. Глиное в Среднем Поднестровье, где найдено большинство курильниц Северного Причерноморья, наряду с гальками были и иные материалы – комки обожженной глины, фрагменты керамики. Они применялись для сожжения органического содержимого курильниц, помещаясь в них в раскаленном виде, причем наиболее широкое использование в качестве растительного содержимого курильниц получила конопля [Тельнов и др., 2016, с. 912–913]. Исследователи пришли к выводу, что регионом, где курильницы с каннелированным туловом появились впервые, является Прикубанье, откуда они распространились на

запад – в Северное Причерноморье, и на восток – на Кавказ и далее до Южного Приуралья [Синика и др., 2014, с. 93; Тельнов и др., 2016, с. 915]. Последнее наблюдение для нас особенно интересно. Сколько-нибудь подробного рассмотрения южноуральских курильниц в названных исследованиях нет, имеется лишь отсылка к нескольким аналогиям. Необходимо более внимательно исследовать этот вопрос.

Приступая к совместному рассмотрению курильниц восточного и западного регионов их распространения, мы оказываемся в «терминологической вилке». Вслед за коллегами из западных регионов мы должны именовать эти сосуды курильницами, но не можем этого сделать. Исследователи ранних кочевников Южного Приуралья курильницами называют сосуды, совсем не схожие с курильницами из западных регионов [Мошкова, 1963, табл. 11; Смирнов, 1973; Гуцалов, 2004, табл. 24; Краева, 2017, с. 256–266]. Сосуды же, обнаруживающие такое сходство, к курильницам, как правило, не относят, даже если использование их в качестве курильниц не вызывает сомнений. Парадоксальность данной ситуации отметила известный специалист по керамике Южного Урала Л.А. Краева: «Описание такой керамики должно производиться по алгоритму описания обычного сосуда и только при достаточно веской аргументации высказываться мнение об использовании его в качестве курильницы, чтобы не вносить путаницу в терминологию» [Краева, 2015, с. 92; 2017, с. 250]. Во избежание терминологической путаницы мы будем называть их со-

судиками для воскурений, хотя это синоним «курильницы».

Сосудики с каннелюрами

Из южноуральского региона авторы работ о курильницах Северного Причерноморья привели сосудики из погребений 4 и 5 кургана 9 могильника Лебедевка V и погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2 [Синика и др., 2014, с. 93, рис. 17,10,11; Тельнов и др., 2016, с. 913, 915]. Основанием для отнесения этих сосудиков к курильницам стали, прежде всего, каннелюры на тулове. Для уникального «трехногого» сосуда из погребения 5 кургана 9 Лебедевки V (рис. 1,2) авторы отметили находку рядом с ним нескольких камешков, что, по их мнению, позволяет считать этот сосуд курильницей, хотя о размере пяти галек округлой формы, найденных рядом с ним в числе прочих предметов (бус и т. д.), в публикации ничего не сказано [Железчиков и др., 2006, с. 14, рис. 28,1]. Гальки, которые находят в сарматских погребениях Южного Урала, обычно просто лежат в кучках вдалеке от сосудов, изредка рядом с ними, но практически никогда внутри них, к тому же они бывают достаточно крупными для того, чтоб могли быть помещены в небольшой сосуд. Поэтому находка камней рядом с сосудиком не может однозначно свидетельствовать в пользу того, что это курильница. Впрочем, этот сосудик считает курильницей и С.Ю. Гуцалов [Гуцалов, 2004, табл. 24,9], видимо, из-за его необычной формы. Маленький горшочек из погребения 4 кургана 9 Лебедевки V (рис. 1,1) орнаментирован «полотенчиками», которые являются типично сарматским декором керамики, наносившимся на сосуды разных типов и размеров [Железчиков и др., 2006, с. 14, рис. 25,1]. Для отнесения его к курильницам, на наш взгляд, оснований недостаточно. Лебедевские погребения разновременные, более ранним является погребение 5 – IV в. до н.э., а впущенное в него погребение 4 – не ранее III в. до н.э. [Железчиков и др., 2006, с. 41].

Что же касается сосуда из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка II, аргументы для этого более чем основательны – он имел внутри толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцов от лепных сосудов

[Яблонский и др., 1995, с. 38–39, рис. 61,2–5]. Отметим, что в отличие от сосудиков из Лебедевки он действительно обнаруживает большое морфологическое сходство с курильницами Северного Причерноморья (особенно с сосудами из могильника у с. Глиное), его вообще можно рассматривать как грубоватую реплику такой курильницы. Погребение датировано «раннесарматским временем» [Яблонский и др., 1995, с. 39].

Рассмотрим еще несколько сосудиков, которые могут быть сопоставлены с курильницами Северного Причерноморья. Отбор этих сосудиков среди множества других осуществлен нами по нескольким параметрам – сравнительно небольшой размер, вертикальные каннелюры на тулове, нанесенные разными способами, но главное, на что обращалось внимание, – нагар на внутренней поверхности, находки внутри камней, кусков глины и изделий из нее, наличие в заполнении обугленных остатков растений. Ни в одном случае нет соединения всех этих пяти признаков в одном сосудике, они присутствуют в них в количестве от четырех до двух, причем только последние три являются действительно значимыми.

Начнем обзор с сосудиков, в которых обнаруживается морфологическое сходство с причерноморскими курильницами. Форма, пропорции и каннелированная поверхность тулова позволяют ввести в их число сосудики из погребения 3 кургана 5 могильника Бердянка V (рис. 1,3) и погребения 1 кургана 1 могильника Покровка 7 (рис. 1,4) [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 9,7; Яблонский и др., 1996, рис. 26,7]. У первого из этих сосудиков каннелюры рельефные, у второго – прочерченные. Функционирование могильника Бердянка V авторы относят к III–II вв. до н.э. [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 133]. Датировка погребения из Покровки 7 у авторов публикации неопределенная – «прохоровским (раннесарматским) временем» [Яблонский и др., 1996, с. 23]. Находка в этом погребении костяного зооморфного навершия гребня [Яблонский и др., 1996, рис. 26,6] позволяет уточнить датировку, они характерны для погребений III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 101]. Таким образом, погребения с сосудиками из Бердянки V и Покровки 7 относятся к тому же хро-

нологическому горизонту, что и большинство курильниц с каннелюрами из западных регионов, причем наибольшее сходство находим среди курильниц Нижнего Дона – Елизаветовского городища и грунтового некрополя Тананиса с рельефными и прочерченными каннелюрами (рис. 1,5–10) [Меньшикова, 2012, рис. 1; Синика и др., 2014, рис. 16].

Сосудики с нагаром, сгоревшими растительными остатками и «нагревательными элементами»

Морфологическое сходство сосудиков из Лебедевки V, Бердянки V и Покровки 7 с курильницами западных регионов очевидно, но считать их функциональное назначение тем же, то есть именно для воскурения разного рода растительных агентов, оснований все же недостаточно. Строго говоря, с наибольшей вероятностью к предназначенным для воскурений можно отнести только сосудики, в заполнении которых найдены остатки сожженных растений, внутренняя поверхность имеет слой нагара, а также те, в которых найдены камни и керамические предметы. Причем безотносительно того, имеют они на тулове каннелюры или нет.

Самый большой слой нагара, достигающий толщины 3–4 мм, Л.А. Краева отметила у трех сосудиков, которые и по другим параметрам попадают в группу предназначенных для воскурений – из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2, погребения 4 кургана 9 Шумаевского II могильника и погребения 2 кургана 4 могильника Прохоровка [Краева, 2015, с. 92, рис. 1,4–6].

Сосудик из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2, с косыми бороздами на тулове и тремя фрагментами донцев лепных сероглиняных сосудов, края которых были обточены (рис. 2,1,а–с), внутри [Яблонский и др., 1995, с. 38–39, рис. 61,2–5], как мы уже отметили, привлек внимание авторов работ о курильницах Северного Причерноморья, они упоминали его неоднократно [Синика и др., 2014, с. 93; Тельнов и др., 2016, с. 913, 915]. Содержимое сосудика было в свое время исследовано Я.Г. Рысковым и В.А. Демкиным, которые по содержанию в нем фосфатов установили, что в сосудик была налита вода. Об-

работанные же фрагменты керамики, которые находились в нем, «по-видимому, использованы как охлаждающий элемент» [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. Едва ли это так. Позже Л.А. Краевой было констатировано наличие на внутренней поверхности сосудика толстого слоя нагара [Краева, 2015, с. 92], который указывал на сожжение чего-то в сосудике. Вероятнее всего, это были растительные агенты, что подтверждается содержимым другого сосудика, имеющего такой же толстый слой нагара на внутренней поверхности.

Сосудик из погребения 4 кургана 9 Шумаевского II могильника, которое датировано авторами концом IV – первой половиной II в. до н.э., с высоким каннелированным горлом, четырьмя шишечками-налепами в верхней части тулова и вертикально прочерченными линиями по тулову, имел внутри тальковый «молоточек» (рис. 2,2,а) [Моргунова и др., 2003, с. 129, 131, 173, рис. 83,2,3]. В заполнении же А.А. Гольевой было обнаружено обилие обугленных стеблей трав или тонких годичных веточек кустарников, которые сжигались внутри сосудика, но это не конопля [Моргунова и др., 2003, с. 218]. Вообще же, ранние кочевники южноуральских степей коноплю использовали, ее остатки встречены в погребении 3 кургана 7 Шумаевского I могильника, но не в сосуде, а в колчане [Моргунова и др., 2003, с. 217]. Несомненно, что традиция воскурения наркотических растений путем помещения их в сосуды вместе с раскаленными камнями у ранних кочевников Южного Приуралья имела, но не всегда следы ее были надежно зафиксированы. Собственно говоря, это было сделано лишь единожды.

В неорнаментированном сосудике из погребения 5 кургана 8 могильника Покровка-2 вместе с тремя сверленными камнями («молоточками») и «куском глиняной обмазки» (рис. 2,3,а–б) [Яблонский и др., 1995, с. 35, рис. 57,4,8,10] найдены обугленные семена (коробочки) дурмана (определение сделано кандидатом биологических наук А.М. Ермолдаевым) [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. «Не вызывает сомнения, что их обугленность носит не естественный характер, а явилась результатом воздействия кратковременного огня, затем погашенного... Дурман обладает лекарственными, слабо наркотическими свой-

ствами, при вдыхании летучей фракции (при горении) расширяет сосуды и облегчает дыхание. Можно полагать, что именно для этих целей он и был использован в погребении, вероятно в сочетании с другими травами, которые в сосуде не сохранились» [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. У Феофраста о дурмане сказано: «От одной его драхмы человек придет в прекрасное настроение и покажется себе первым человеком в мире; от двух обезумит и ему станут чудиться видения; от трех, с прибавкой, говорят, еще василькового сока, он обезумит неизлечимо; от четырех умрет» (Исследование о растениях, IX, 11, 6) [1951, с. 293, 510]. Захоронение датируется «раннесарматским временем» [Яблонский и др., 1995, с. 36]. Неорнаментированных курильниц в Северном Причерноморье найдено немного. Так, в могильнике у с. Глиное из 80 курильниц не орнаментировано всего две [Тельнов и др., 2016, с. 915–916, рис. 148,6, 335,1]. Они есть также в Крыму [Синика и др., 2014, рис. 11,1–8], где недавно в кургане Холодная Гора I найден еще один экземпляр с камнями внутри [Шульга и др., 2018, с. 429, рис. 22,9].

В погребении 2 кургана 4 могильника Прохоровка два каменных «молоточка» найдены внутри неорнаментированного сосудика, внутренняя поверхность которого покрыта толстым слоем нагара (рис. 2,4,а–б) [Яблонский, 2010, с. 27–28, рис. 25,2,5; Краева, 2010, с. 241]. Четыре молоточка² найдены внутри сосудика из погребения 4 кургана 1 могильника Бараково-1, внешняя поверхность которого была покрыта наклонными каннелюрами (рис. 2,5,а–д). Авторы датируют курган IV–III вв. до н.э. [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 38–39, рис. 12,4–8].

«Молоточки»

В южноуральских сосудиках не найдено галек, а только фрагменты керамики и «молоточки» – керамические и каменные. Могли ли «молоточки» служить для сжигания растительных агентов внутри сосудиков? Керамические в раскаленном виде – определено, каменные, вероятно, тоже. Во всяком случае, в сосудике из Покровки-2 с обугленными коробочками дурмана находилось

три «молоточка», один «молоточек» найден в сосудике с обилием сгоревших стеблей из Шумаево.

Порода камня, из которой сделаны «молоточки» Покровки-2 и Прохоровки – мусковит-серицитовый сланец, тальк-хлорит-слюдистый сланец и песчаник граувакковый [Аникеева, 1995, с. 72; 2010, с. 325–326]. Археологи чаще всего называют их тальковыми. Тальк очень мягок (около 1 по шкале Мооса), отличается огнеупорностью, и, будучи прокален, приобретает значительную твердость (до 6) [Бетехтин, 2007, с. 581]. С древних времен он применялся в процессах, связанных с высокими температурами – начиная с эпохи энеолита из него делали литейные формы [Сериков, 2011, с. 126], а в новейшее время – для футеровки металлургических печей, топков паровозов и др. [Бетехтин, 2007, с. 583]. Может быть, у ранних кочевников «молоточки» использовались для поддержания высокой температуры – будучи раскалены, они обеспечивали продолжительное воскурение растительных агентов в сосудиках. А.Х. Пшеничнюк, описывая находки «молоточков», отметил, что «на некоторых экземплярах заметны следы сажи» [Пшеничнюк, 1983, с. 115]. Просмотр материалов в фондах МАЭ показал, что это действительно так. У «молоточка» из погребения 8 кургана 11 могильника Бишунгарово [Пшеничнюк, 1983, табл. XX,6], сделанного из светло-серого талькового камня, поверхность стала угольно-черной (рис. 3,5). В погребении 3 кургана 3 того же могильника четыре «молоточка» находились внутри сосудика (рис. 2,6,а–д) [Пшеничнюк, 1983, табл. XIII,12–15,20], в неровностях их поверхности сохранилась черная и жирная сажа (рис. 3,1–4). Внутренняя поверхность дна сосудика покрыта слоем нагара. Может быть, в сосудике с дурманом из Покровки-2 неполная обугленность его коробочек объясняется не тем, что огонь был погашен, как предполагают авторы, а естественным остыванием «молоточков» и куски глиняной обмазки.

Половинка молоточка из талькового сланца была найдена в погребении 1 кургана 20 могильника Новый Кумак, датирующемся IV – началом III в. до н.э., в кучке так называемых «ритуальных камней» [Мошкова, 1972, с. 32, 44, рис. 1,1а]. Эти камни в погре-

бениях всегда находят обгорелыми, закопченными, их назначение неизвестно, но нельзя исключать их использование в тех же целях. В кургане 18 могильника Кырык-Оба II 100 черных галек «лежали среди рыхлых мелких фрагментов лепного сосуда и потому можно предположить, что все они находились в горшке» [Гуцалов, 2010, с. 58]. Случай этот не очень ясный – ни керамика, ни камни не опубликованы.

В Кадыровском IV кургане на северо-востоке Башкирии найден сосудик с шестью округлыми камнями (два из них были тальковые), со следами копоти и какого-то жирного органического вещества черного цвета (рис. 4,5,а–f). Курган относится к памятникам так называемого «айского типа» лесостепной саргатской общности и датируется концом IV в. до н.э. Г.Н. Гарустович видел в материалах этого кургана проявления савромато-сарматского влияния на лесостепные культуры [Гарустович, 2009]. Но в савромато-сарматских древностях Южного Приуралья находка галек в сосуде – явление практически неизвестное. Мы можем назвать только один достоверный случай такого рода, который заслуживает специального рассмотрения.

Сосуд с камнями из могильника Челкар III в Западном Казахстане

В погребении 2 кургана 5, внутри массивного плоскодонного, овального в плане горшка с круглым устьем без горловины и двумя крыловидными ручками-уступами (рис. 4,1,1,а), находилось 6 окатанных галек неправильной формы [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266, рис. 1,б]. Это единственный сосуд подобной формы, известный нам в Южном Приуралье. К сожалению, в публикации ничего не сообщается о наличии нагара на стенках сосуда и следов огня на камнях (не говоря уже о растительных остатках в заполнении сосуда), но отнесение этой находки к той же традиции весьма вероятно.

Уникальная для Южного Урала форма сосуда вызвала затруднения с его культурной атрибуцией и датировкой у авторов публикации. Никаких близких аналогий ему им подобрать не удалось. Тем не менее некоторые

параллели ему были приведены. Особенно интересен горшочек, найденный в могиле, впущенной в квадратное погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. Он имеет выраженную горшочную форму с раздутым туловом и высоким горлом. Посередине тулова его опоясывает орнаментированный косыми насечками валик, с двух сторон он оттянут, с образованием горизонтальных ручек треугольной формы, в центре каждой ручки имеется отверстие. Как видим, морфология сосуда достаточно сильно отличается от челкарского. Интересно, однако, что внутри его найдено три сверленных каменных «грузила» и одно костяное (?), на рисунке изображены три предмета, более всего напоминающие «молоточки» (рис. 3,б). Датировано погребальное сооружение III–II вв. до н.э. [Лоховиц, 1963, с. 217–220, рис. 3]. Кроме того, в статье, где рассматривается челкарский комплекс, приведены сведения о неопубликованных небольших горшочках с ручками-уступами, найденных в погребальных сооружениях Жаны-Дарьи III–II вв. до н.э., о которых нам сказать нечего, а также круглодонные чаши с ручкой-выступом из усуньских погребений долины р. Или, совершенно не похожие на челкарский сосуд [Акишев, Кушаев, 1963, табл. VII,5,10,11]. Приаральско-илийские параллели, приведенные публикаторами, по их собственному признанию, имели лишь «некоторую схожесть», «весьма отдаленную степень близости», и, тем не менее, они по этим аналогиям отнесли челкарский комплекс к III–II вв. до н.э. [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266], хотя другие факты указывали на более раннюю дату. Всего в могиле было найдено 5 сосудов, из них три «довольно стандартны по формам, невыразительны хронологически». Еще один, самый большой, со следами неглубоких ямок под горлом и посередине тулова «отличается архаичностью облика» [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266].

С.Ю. Гуцалов обратил внимание на так называемые «рогатые» сосуды (или сосуды с роговидными ручками) красноярского варианта тагарской культуры [Николаев, 1980, с. 242, рис. 2,1,2] и такие же сосуды в выделенной А.И. Мартыновым лесостепной тагарской культуре [Мартынов, 1979, с. 61, табл. 26], сопоставил их с челкарским сосудом и дати-

рвал погребение с ним концом VI – V в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 34–35]. Эти сосуды действительно очень похожи, но предложенная С.Ю. Гуцаловым датировка погребения не может быть обоснована тагарскими аналогиями. Красноярский вариант был отнесен Р.В. Николаевым к II стадии тагарской культуры по С.В. Киселеву или сарагашенскому этапу по М.П. Грязнову [Николаев, 1980, с. 240], которые, как известно, датированы ими V–III вв. до н.э. [Членова, 1992, с. 207]. Ко второй половине тагарской эпохи (IV–III вв. до н.э.) отнесла красноярский вариант Н.Л. Членова [Членова, 1992, с. 209]. Утверждение С.Ю. Гуцалова, что «такие сосуды есть в погребениях большепичугинского этапа» лесостепной тагарской культуры, безосновательно – А.И. Мартынов ничего не пишет о том, к какому этапу относятся сосуды с роговидными ручками, при характеристике этого этапа (VI–V вв. до н.э.) он также не упоминает о таких сосудах. Об их датировке из книги А.И. Мартынова можно судить лишь по косвенным данным. Так, он приводит устное сообщение М.Г. Мошковой о том, что «один такой сосуд... известен из сарматских погребений по р. Урал» [Мартынов, 1979, с. 61]. Конечно, речь идет о челкарском сосуде, датированном ею, как мы знаем, III–II вв. до н.э. Интересно наблюдение А.М. Мартынова, что сосудам с роговидными ручками очень близка по форме керамика скифских поселений IV–III вв. до н.э. [Мартынов, 1979, с. 61].

Обращение к западным аналогиям небезосновательно, такие сосуды есть в Северном Причерноморье и на Кубани, и, по меньшей мере, в одном из них также найдены камни. В погребении № 287з могильника Старокорсунского городища № 2 на Кубани найден черноглиняный сосуд с ручками-выступами и пятью гальками внутри (рис. 4,2). По гераклейской амфоре оно датируется второй-третьей четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 1997, с. 81–82, рис. 1,5]. В погребении 60 грунтового могильника IV Новолабинского городища, относящегося к IV–III вв. до н.э., найдена сферическая курильница, на противоположных сторонах которой в верхней трети сосуда два налепа треугольной формы (рис. 4,4) [Раев, Беспалый, 2006, с. 37, табл. 35,6]. Она весьма схожа по форме с чел-

карским сосудом, комплекс с которым следует датировать, по всей вероятности, тем же временем.

Из Прикубанья сосуды этого типа проникли и на запад. С поселения ольвийской хоры Козырка 2 второй половины IV – первой трети III в. до н.э. происходит сосуд с загнутым внутрь краем и двумя ручками в виде горизонтальных уплощенных налепов (рис. 4,3) [Доманский, Марченко, 1980, рис. 10,2].

Эти сосуды сопоставимы с челкарским по форме и размерам, а находка в одном из них галек делает предположение об их генетической связи еще более убедительным. Таким образом, с Кубани в западном и восточном направлении распространились сосуды с роговидными ручками. Очевидно, что с Южного Урала они попали на юг – в Среднюю Азию. Сосуд с «молоточками» из Чирик-Рабата – такое же свидетельство связей чирикратской культуры с прохоровской, как и костяные гребни, ложечки и бронзовые зеркала [Вайнберг, Левина, 1992, с. 60, табл. 13,13,15].

Остальные южноуральские сосудики для воскурений не обнаруживают морфологического сходства с курильницами Прикубанья. Гораздо ближе они курильницам Нижнего Подонья с рельефными и прочерченными каннелюрами, а также неорнаментированным. В целом западное их происхождение более чем вероятно.

Заключение

В результате проведенного исследования выяснено следующее:

1. В южноуральских раннекочевнических древностях имеется особый класс сосудиков, предназначенных для воскурений растительных агентов. Они появляются в IV в. до н.э. как инокультурное явление и получают достаточно широкое распространение в III–II вв. до н.э. Это вытянутые сосудики со слегка раздутым туловом, суженным горлом и уплощенным дном. Орнаментированы по большей части вертикальными каннелюрами рельефными и прочерченными, некоторые без орнамента.

2. Воскурение осуществлялось путем помещения в сосудик растительных агентов вместе с раскаленными «нагревательными элементами», в качестве которых первоначаль-

чально выступали гальки, а затем каменные и керамические «молоточки», а также фрагменты керамических изделий.

3. Воскурение оставляло нагар на дне и стенках сосудов, в двух случаях удалось зафиксировать остатки сгоревших растений, в одном не идентифицированные, в другом – плоды (коробочки) дурмана. Целью воскурений были, вероятно, обряды очищения, возможно – получение наркотического опьянения.

4. Явление не имеет корней в предшествующее время и привнесено извне. Ближайшая и самая полная аналогия самой сути явления – курильницы могильника у с. Глиное в Среднем Поднестровье с обожженными гальками и фрагментами керамики внутри, а также с остатками горевшей конопли и других растений. Ближайшие аналогии форме и орнамента южноуральских сосудиков для воскурений находятся среди курильниц Нижнего Подонья и Прикубанья, с данными регионами, по всей вероятности, следует связывать и их появление на Южном Урале.

5. Зафиксированы следы проникновения этой традиции из Южного Приуралья в другие регионы – на юг (чирикратская культура) и северо-восток (так называемый «айский тип»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122031400062-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2022–2024 гг. «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация».

The project is funded on the topic №122031400062-7 “Historico-cultural heritage of Southern Ural and Pre-Ural: study, preservation, museumification” Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

² В публикации комплекса сказано, что «молоточки» керамические. Обращение к коллекции находок из Бараково, хранящейся в фондах МАЭ, показало, что только один «молоточек» керамический (рис. 2,5,d), остальные каменные, по всей видимости, тальковые.

ПРИЛОЖЕНИЯ

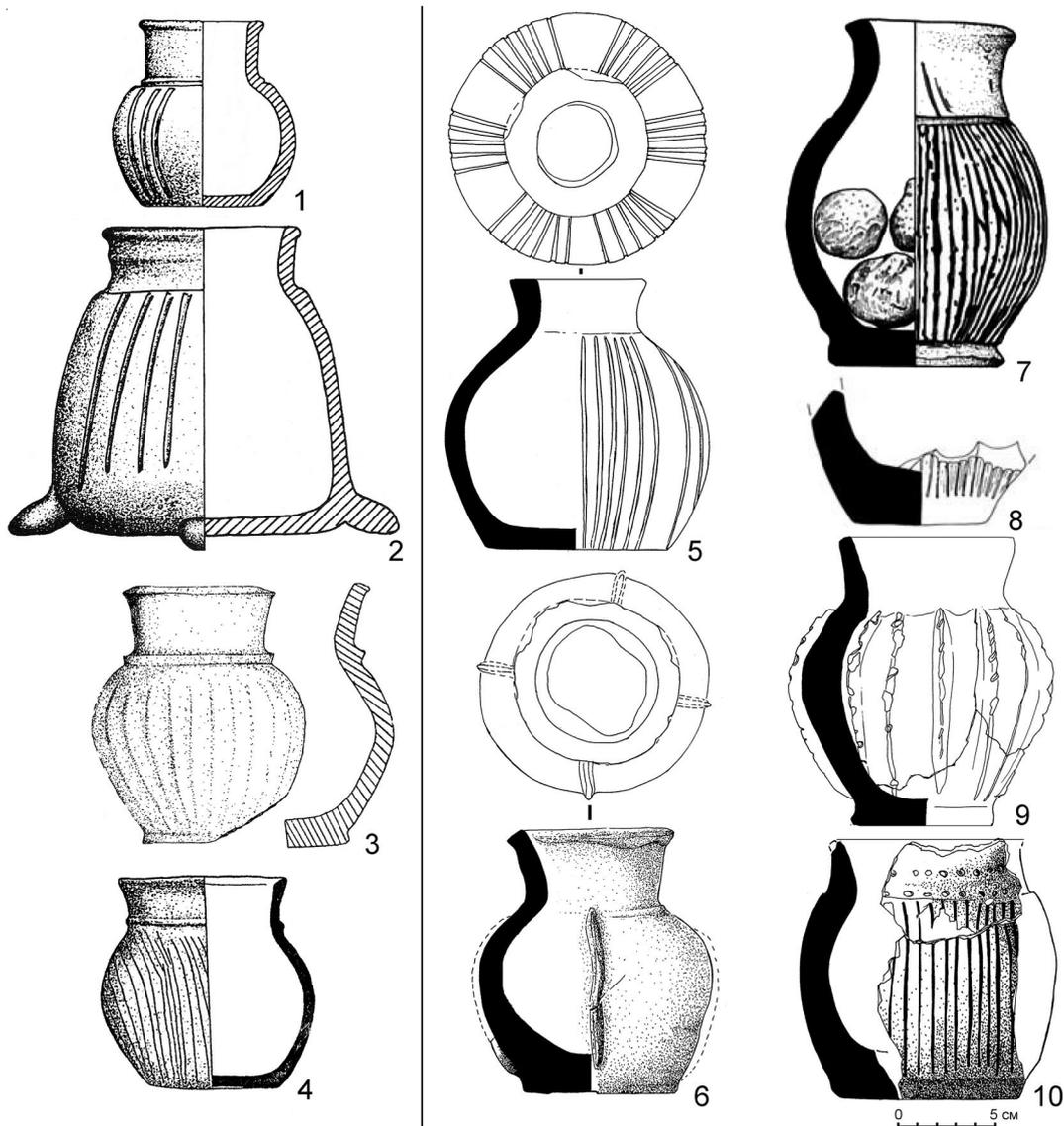

Рис. 1. Сосудики с каннелюрами на тулове из раннекочевнических погребений Южного Приуралья (1–4) и аналогии им среди курильниц из погребений Нижнего Подонья (5–10):

1 – сосудик из погребения 4 кургана 9 могильника Лебедевка V (по: [Железчиков и др., 2006, рис. 25,1]); 2 – сосудик из погребения 5 кургана 9 могильника Лебедевка V (по: [Железчиков и др., 2006, рис. 28,1]); 3 – сосудик из погребения 3 кургана 5 могильника Бердянка V (по: [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 9,7]); 4 – сосудик из погребения 1 кургана 1 могильника Покровка 7 (по: [Яблонский и др., 1996, рис. 26,7]); 5, 9, 10 – из материалов Елизаветовского городища (по: [Меньшикова, 2012, рис. 1,5,8,11]); 6 – из погребения Нижнегниловского городища (по: [Меньшикова, 2012, рис. 1,12]); 7, 8 – Елизаветовское городище (по: [Синика и др., 2014, рис. 16,14,20])

Fig. 1. Vessels with flutes on the body from early nomadic burials of the Southern Urals (1–4) and their analogy among incense burners from burials of the Lower Don region (5–10):

1 – vessel from burial 4 kurgan 9 of Lebedevka V (after: [Zhelezchikov et al., 2006, fig. 25,1]); 2 – vessel from burial 5 kurgan 9 of Lebedevka V (after: [Zhelezchikov et al., fig. 28,1]); 3 – vessel from burial 3 kurgan 5 of Berdyanka V Cemetery (after: [Morgunova, Meshcheryakov, 1999, fig. 9,7]); 4 – vessel from burial 1 kurgan 1 of Pokrovka 7 Cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1996, fig. 26,7]); 5, 9, 10 – from materials of the Elizavetovskoe hillfort (after: [Men'shikova, 2012, fig. 1,5,8,11]); 6 – from burials of the Nizhnegnilovskoe hillfort (after: [Men'shikova, 2012, fig. 1,12]); 7, 8 – the Elizavetovskoe hillfort (after: [Sinika et al., 2014, fig. 16,14,20])

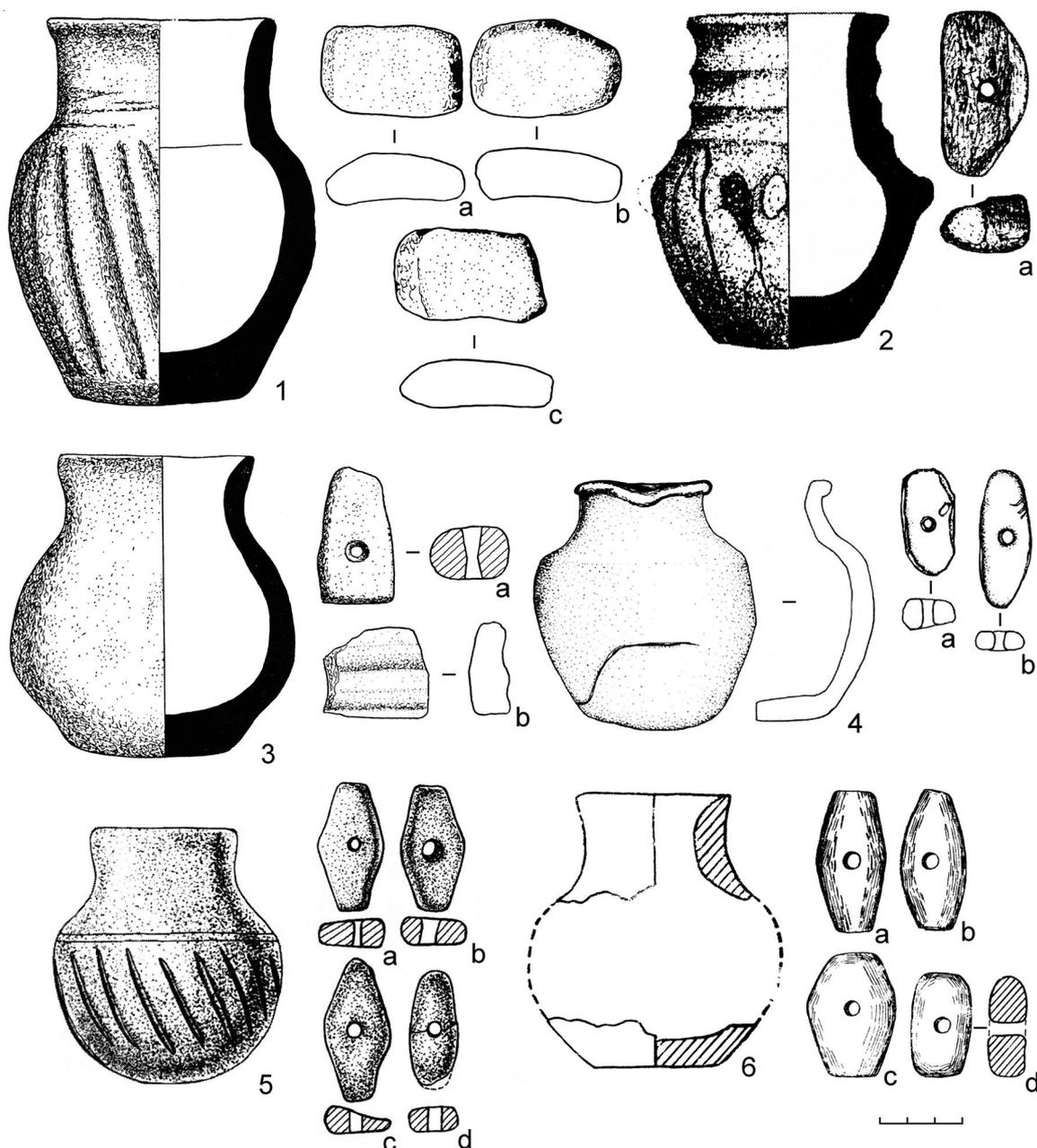

Рис. 2. Сосудики с нагаром на внутренней поверхности, сгоревшими остатками растений и «нагревательными элементами» из погребений ранних кочевников Южного Приуралья:

- 1 – погребение 10 кургана 8 могильника Покровка-2 (по: [Яблонский и др., 1995, рис. 61,2–5]);
- 2 – погребение 4 кургана 9 Шумаевского II могильника (по: [Моргунова и др., 2003, рис. 83,2,3]);
- 3 – погребение 5 кургана 8 могильника Покровка-2 (по: [Яблонский и др., 1995, рис. 57,4,8,10]);
- 4 – погребение 2 кургана 4 могильника Прохоровка (по: [Яблонский, 2010, рис. 25,2,5]);
- 5 – погребение 4 кургана 1 могильника Бараково-1 (по: [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 12,4–8]);
- 6 – погребение 3 кургана 3 могильника Бишунгарово (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XIII,12–15,20])

Fig. 2. Vessels with carbon deposits on the inner surface, burnt plant residues and “heating elements” from burials of early nomads of the Southern Suburals:

- 1 – burial 10 kurgan 8 of the Pokrovka-2 cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1995, fig. 61,2–5]);
- 2 – burial 4 kurgan 9 of the Shumaevskiy II cemetery (after: [Morgunova et al., 2003, fig. 83,2,3]);
- 3 – burial 5 kurgan 8 of the Pokrovka-2 cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1995, fig. 57,4,8,10]);
- 4 – burial 2 kurgan 4 of the Prokhorovka cemetery (after: [Yablonskiy, 2010, fig. 25,2,5]);
- 5 – burial 1 kurgan 4 of the Barakovo-1 cemetery (after: [Ismagil, Sungatov, 2013, fig. 12,4–8]);
- 6 – burial 3 kurgan 3 of the Bishungarovo cemetery (after: [Pshenichnyuk, 1983, tab. XIII,12–15,20])

Рис. 3. Каменные «молоточки» из погребений ранних кочевников Южного Приуралья (1–5) и Средней Азии (6):

1–4 – погребение 3 кургана 3 могильника Бишунгарово (фото В.К. Федорова);
 5 – погребение 8 кургана 11 могильника Бишунгарово (фото В.К. Федорова, рис. по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XX,6]); 6 – сосуд с молоточками из могилы, впущенной в квадратное погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат (по: [Лоховиц, 1963, рис. 3])

Fig. 3. Stone “hammers” from burials of early nomads of the Southern Suburals (1–5) and Central Asia (6):

1–4 – burial 3 kurgan 3 of the Bishungarovo cemetery (photo by V. K. Fedorov); 5 – burial 8 kurgan 11 of the Bishungarovo cemetery (photo by V.K. Fedorov, fig. after: [Pshenichnyuk, 1983, tab. XX,6]); 6 – vessel with hammers from a grave admitted into a square burial structure of the Chirik-Rabat hillfort (after: [Lohovic, 1963, fig. 3])

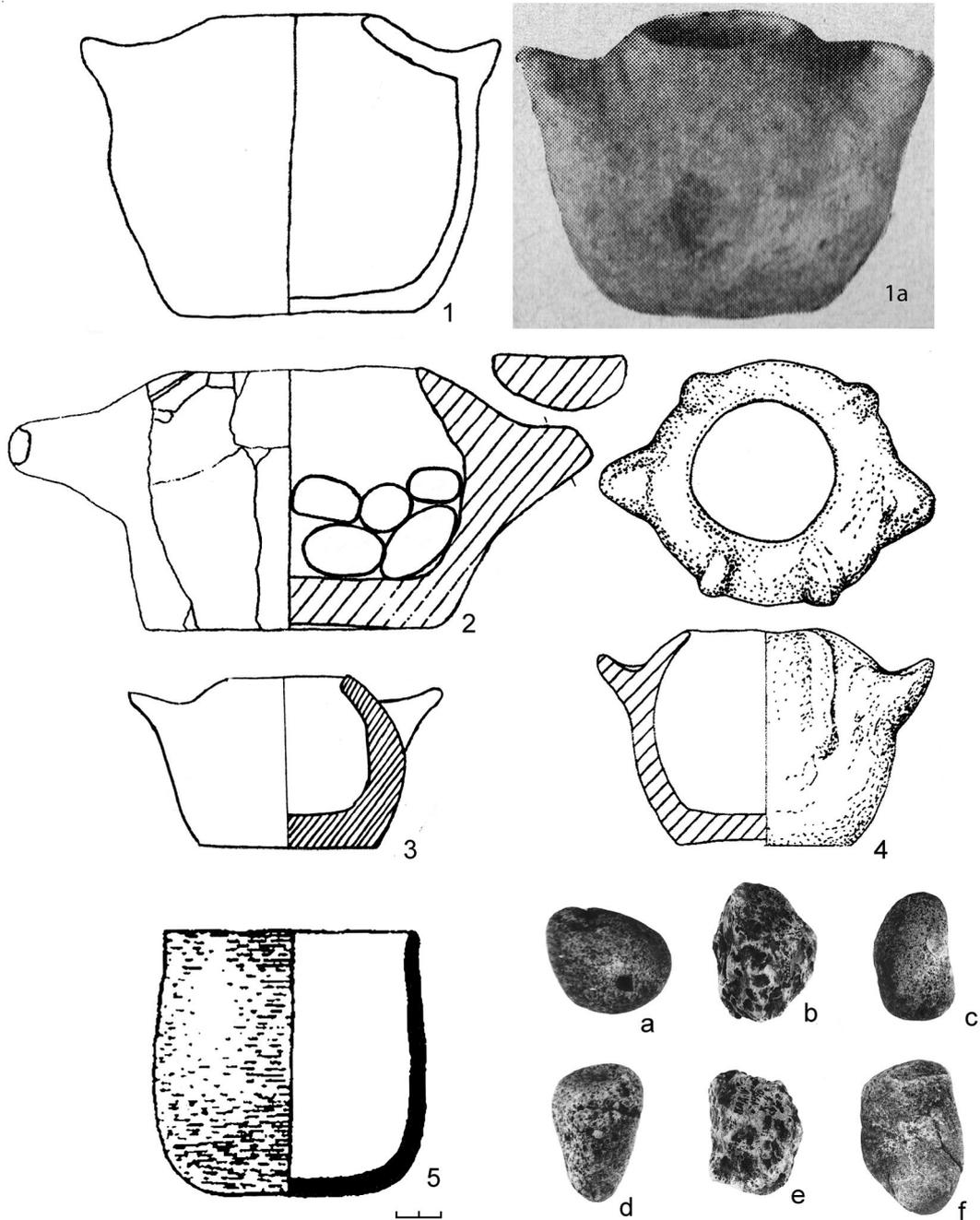

Рис. 4. Сосуд с камнями из погребения 2 кургана 5 могильника Челкар III в Западном Казахстане (1–1a) и аналогии ему (2–5):

1 – по: [Гуцалов, 2004, рис. 19,46]; 1a – по: [Мошкова, Кушаев, 1973, рис. 1,6]; 2 – погребение № 287з могильника Старокорсунского городища № 2 (по: [Лимберис, Марченко, 1997, рис. 1,5]); 3 – с поселения ольвийской хоры Козырка 2 (по: [Доманский, Марченко, 1980, рис. 10,2]); 4 – погребение 60 грунтового могильника IV Новолабинского городища (по: [Раев, Беспалый, 2006, табл. 35,6]); 5 – Кадыровский IV курган (по: [Гарустович, 2009, рис. 1,4, 2]); a, b, c, d, e, f – гальки из сосуда под № 5

Fig. 4. Vessel with stones from burial 2 kurgan 5 of the Chelkar III Cemetery in western Kazakhstan (1–1a) and analogies to it (2–5):

1 – after: [Gutsalov, 2004, fig. 19,46]; 1a – after: [Moshkova, Kushaev, 1973, fig. 1,6]; 2 – burial № 287z from cemetery of the Starokorsunskoe hillfort № 2 (after: [Limberis, Marchenko, 1997, fig. 1,5]); 3 – from the settlement of the Olvia Chora Kozyrka 2 (after: [Domanskiy, Marchenko, 1980, fig. 10,2]); 4 – burial 60 from the Cemetery IV of the Novolabinskoe hillfort (after: [Raev, Bepalyy, 2006, tab. 35,6]); 5 – Kadyrovskiy IV cemetery (after: [Garustovich, 2009, fig. 1,4, 2]); a, b, c, d, e, f – pebbles from vessel no. 5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР. 300 с.
- Аникеева О. В., 1995. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из могильников у с. Покровка // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 69–78.
- Аникеева О. В., 2010. Каменный материал из могильника Прохоровка // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. С. 324–334.
- Бетехтин А. Г., 2007. Курс минералогии. М. : КДУ. 720 с.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1992. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 47–61.
- Гарустович Г. Н., 2009. Культурные комплексы раннего железного века в Башкирском Приуралье // Вестник Челябинского государственного университета. № 28 (166). История. Вып. 4. С. 5–12.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии. 136 с.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.
- Доманский Я. В., Марченко К. К., 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка 2 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л. : Искусство. С. 20–38.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Восточная литература. 160 с.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 224 с.
- Краева Л. А., 2010. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. С. 231–251.
- Краева Л. А., 2015. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. № 3 (12). С. 90–100.
- Краева Л. А., 2017. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. 352 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1997. Погребения с гераклейскими амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2 // STRATUM + Петербургский археологический вестник. СПб. ; Кислинин : Бизнес-элита. С. 81–93.
- Лоховиц В. А., 1963. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М. : Изд-во АН СССР. С. 214–220.
- Мартынов А. И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 208 с.
- Меньшикова В. А., 2012. Лепные курительницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь : Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. С. 106–110.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург : ОГПУ. 390 с.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 56 с.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орск // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука. С. 27–48.
- Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука. С. 258–268.
- Николаев Р. В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюз. археол. конф. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. С. 239–247.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 200 с.

- Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 110 с.
- Рысков Я. Г., Демкин В. А., 1995. Результаты естественнонаучного изучения курганов левобережного Илека (палеоэкологические, педологические и археологические аспекты) // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 48–68.
- Сериков Ю. Б., 2011. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. № 4 (17). С. 117–130.
- Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П., 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 3. С. 65–100.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 300 с.
- Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука. С. 166–179.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : *Stratum plus*. 1096 с.
- Феофраст, 1951. Исследование о растениях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 592 с.
- Членова Н. Л., 1992. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 206–224.
- Шульга П. И., Колтухов С. Г., Рукавишникова И. В., Ермолин С. А., Выборнов А. В., 2018. Погребальные комплексы в предгорном Крыму (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : Ин-т археологии РАН. С. 422–430.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., 1995. Раскопки курганов у с. Покровка в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 9–47.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., Малашев В. Ю., 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 7–48.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 384 с.

REFERENCES

- Akishev K.A., Kushaev G.A., 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili* [Ancient Culture of the Sacks and the Usuns in the Ili River Valley]. Alma-Ata, Kazah SSR AS. 300 p.
- Anikeeva O.V., 1995. Mineralogo-petrograficheskoe issledovanie kamennogo materiala iz mogil'nikov u s. Pokrovka [Mineral and Petrographic Study of the Stone Material from Burials Near the Village of Pokrovka]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 69-78.
- Anikeeva O.V., 2010. Kamenny material iz mogil'nika Prokhorovka [Stone Material from Prokhorovka Cemetery]. *Yablonskiy L.T. Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ., pp. 324-334.
- Betekhtin A.G., 2007. *Kurs mineralogii* [Mineralogy Course]. Moscow, KDU Publ. 720 p.
- Vaynberg B.I., Levina L.M., 1992. Chirikrabskaya kul'tura v nizov'yah Syrdar'i [Chirikrabskaya Culture in the Lower Flow of the Syr Darya River]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Belt of the Asian Part of the Soviet Union in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 47-61.
- Garustovich G.N., 2009. Kul'tovye komplekсы rannego zheleznoogo veka v Bashkirskom Priural'e [Cult Complexes of the Early Iron Age in Bashkir Suburals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 28 (166). Historical Sciences, iss. 4, pp. 5-12.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Centre of History and Archaeology. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazahstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51-66.

- Domanskiy Ya. V., Marchenko K. K., 1980. Poselenie ol'viyskoy hory Kozyrka 2 [Kozyrka 2 – Settlement of the Olbia Chora]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 21. Leningrad, Iskusstvo Publ., pp. 20-38.
- Zhelezchikov B. F., Klepikov V. M., Sergatskov I. V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI–II Centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 160 p.
- Ismagil R., Sungatov F. A., 2013. *Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V–IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the V-IV Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belaya Reka Publ. 224 p.
- Kraeva L. A., 2010. Tekhnologiya izgotovleniya lepnoy keramiki iz mogil'nika Prohorovka [Manufacturing Technology of Molded Ceramics from Prokhorovka Burial Mound]. *Yablonskiy L. T. Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ., pp. 231-251.
- Kraeva L. A., 2015. Bytovoe i sakral'noe ispol'zovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana [Everyday and Sacred Use of the Pottery by the Sarmatian Tribes of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], no. 3 (12), pp. 90-100.
- Kraeva L. A., 2017. *Goncharstvo sarmatskikh plemen Zapadnogo Kazakhstana* [Pottery of Sarmatian Tribes of Western Kazakhstan]. Almaty, IAA.Kh. Margulan. 352 p.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 1997. Pogrebeniya s gerakleyskimi amforami iz raskopok mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Burials with the Heraklean Amphorae from the Excavations of the Necropolis of Settlement Starokorsunskoe no. 2]. *STRATUM + Peterburgskiy arheologicheskii vestnik* [Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin]. Saint Petersburg; Kishinev, Biznes-Elita Publ., pp. 81-93.
- Lohovits V. A., 1963. Raskopki kvadratnogo pogrebal'nogo sooruzheniya na gorodishche Chirik-Rabat [Excavation of a Square Burial Structure at the Hillfort of Chirik-Rabat]. *Polevyye issledovaniya Horezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg.* [Field Research of the Khorezm Expedition in 1958–1961]. Moscow, AS SSSR, pp. 214-220.
- Martynov A. I., 1979. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk, Nauka Siberian Branch Publ. 208 p.
- Men'shikova V. A. 2012. Lepnye kuril'nitsy s kannelyurami Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Handmade Incense-Burners Decorated with Flutes from North-Eastern Azov Sea Area]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd–2nd Centuries BC]. Tiraspol, Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko, pp. 106-110.
- Morgunova N. L., Meshcheryakov D. V., 1999. «Prohorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovka” Burials of the Berdyan Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, Pechatnyj Dom “DIMUR” Publ., pp. 124-146.
- Morgunova N. L., Gol'eva A. A., Kraeva L. A., Meshcheryakov D. V., Turetskiy M. A., Khalyapin M. V., Khokhlova O. S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [Shumaevo Kurgans]. Orenburg, OSPU. 390 p.
- Moshkova M. G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury* [Monuments of the Prokhorov Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, AS SSSR. 56 p.
- Moshkova M. G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumaksky Kurgan Cemetery Near Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian Times]. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Moshkova M. G., Kushaev G. A., 1973. Sarmatskie pamyatniki Zapadnogo Kazakhstana [Sarmatian Sites of Western Kazakhstan]. *Problemy arheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archaeology of the Urals and Siberia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 258-268.
- Nikolaev R. V., 1980. Krasnoyarskiy variant tagarskoy kul'tury [Krasnoyarsk Version of the Tagar Culture]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuz. arheol. konf.* [Scythian-Siberian Cultural and Historic Union. Materials of the 1st All-Union Archaeological Conference]. Kemerovo, KemSU, pp. 239-247.
- Pshenichnyuk A. H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of Early Southern Ural Nomads]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.
- Raev B. A., Bepalyy G. E., 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [A Scythian Kurgan at Necropolis of the 4th Novolabinsk Fortified Settlement]. Rostov-na-Donu, SSC RAS. 110 p.

- Ryskov Ya.G., Demkin V.A., 1995. Rezul'taty estestvennonauchnogo izucheniya kurganov levoberezhnogo Ileka (paleoekologicheskie, pedologicheskie i arheologicheskie aspekty) [The Results of the Natural Science Study of the Kurgans on the Left Bank of the Ilek (Paleoecological, Pedological and Archaeological Aspects)]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 48-68.
- Serikov Yu.B., 2011. K voprosu o sakral'nyh svoystvah tal'ka [On the Problem of Sacred Properties of Talc]. *Chelyabinskiy gumanitarniy* [The Chelyabinsk Humanitarian Journal], no. 4 (17), pp. 117-130.
- Sinika V.S., Men'shikova V.A., Tel'nov N.P., 2014. Lepnye kuril'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya IV–I vv. do n.e. [Hand-Molded Incense Cups from the Northern Black Sea Coast Sites of 4th–1st Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 65-100.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i eyo istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 300 p.
- Smirnov K.F., 1973. Kuril'nitsy i tualetnye sosudiki Aziatskoy Sarmatii [Incense Cups and Toilet Vessels of Asian Sarmatia]. *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti* [The Caucasus and Eastern Europe in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 166-179.
- Telnov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskii mogilnik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of the 3rd–2nd Centuries BC Near the Glinoe Village]. Tiraspol, Stratum plus. 1096 p.
- Feofrast, 1951. *Issledovanie o rasteniyah* [Research About the Plants]. Moscow; Leningrad, AS SSSR. 592 p.
- Chlenova N.L., 1992. Tagarskaya kul'tura [Tagar Culture]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Belt of the Asian Part of the Soviet Union in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 206-224.
- Shul'ga P.I., Koltuhov S.G., Rukavishnikova I.V., Ermolin S.A., Vybornov A.V., 2018. Pogrebal'nye komplekсы v predgornom Krymu (Respublika Krym) [Burial Complexes in the Foothill Crimea (Republic of Crimea)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Settlements, Burials. Excavation of 2017. Rescue Archaeological Research Materials], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 422-430.
- Yablonskiy L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., 1995. Raskopki kurganov u s. Pokrovka v 1994 godu [Excavation of the Kurgans Near Pokrovka Village in 1994]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 9-47.
- Yablonskiy L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., Malashev V.Yu., 1996. Raskopki mogil'nikov Pokrovka 1, 2, 7 i 10 v 1995 godu [Excavation of the Kurgans Pokrovka 1, 2, 7 and 10 in 1995]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 7-48.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ. 384 p.

Information About the Author

Vitaliy K. Fedorov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Scientific and Auxiliary Department of Accounting and Storage of Scientific Funds, Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Karla Marksa St, 6, 450077 Ufa, Russian Federation, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>

Информация об авторе

Виталий Кимович Фёдоров, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-вспомогательного отдела учета и хранения научных фондов, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, ул. Карла Маркса, 6, 450077 г. Уфа, Российская Федерация, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>